

БРОМБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС – ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ: ПРОИСШЕСТВИЕ С УРОЖЕНЦАМИ КАБАРДЫ – ВСАДНИКАМИ КАВКАЗСКО- ГОРСКОГО (ВАРШАВСКОГО) ДИВИЗИОНА

А.С. Мирзоев, А.М. Абаева

Аннотация. В статье на примере конкретного случая рассматриваются такие вопросы как практика привлечения горцев Северного Кавказа на российскую военную службу во время военно-колониционного освоения региона Российской империей и возникающие в связи с этим коллизии, связанные с конфликтом между традиционными этническими представлениями, менталитетом северокавказских народов и российской государственно-правовой системой. В условиях окончательного установления в Кабарде с 1822 г. военно-административного контроля традиционные общественные институты военной культуры и поддержания военной мобильности были запрещены или ограничены. Запрет дворянского ополчения, уголовное преследование институтов наездничества, абречества, кровной мести, ограничение права ношения оружия делали невозможным для этих сословий следование традиционному укладу жизни. Для кабардинских дворян, пренебрегавших всеми остальными сферами деятельности, кроме военной, единственным способом самореализации оставалось поступление на российскую военную службу. Служба в российской армии и милиции предоставляла этой небольшой части черкесской аристократии некоторые привилегии в части ношения оружия, а также возможность карьерного роста в военно-административной сфере. Но служба в понимании представителей черкесских дворян и требования российских военных уставов не совпадали и зачастую приводили к неприятным эксцессам.

Ключевые слова: кабардинцы, Кавказский конный Горский дивизион, институт выезда на службу, Кавказская война, военная культура, военные обычаи, право ношения оружия, ментальные особенности.

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 360051, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, marzeibach@mail.ru.

Абаева Асият Мусаевна, младший научный сотрудник, аспирант Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 360051, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, asiattg@mail.ru.

BROMBERG PROCESS, CONTINUATION OF THE STORY: AN INCIDENT WITH THE NATIVE KABARDIANS, THE HORSEMEN OF THE CAUCASUS-GORSKY (WARSAW) DIVISION

A.S. Mirzoev, A.M. Abaeva

Abstract. The article uses the specific case to examine the practice of attracting the mountaineers of the North Caucasus to the Russian military service during the military colonization of the region by the Russian Empire and the conflicts between the traditional ethnic beliefs and the mentality of the North Caucasian peoples and the Russian state legal system. Under the conditions of the final establishment of military administrative control in Kabarda in 1822, traditional public institutions of military culture and the maintenance of military mobility were prohibited or limited. The prohibition of noble militia, the criminal prosecution of horsemanship, abreachism, blood feud, restriction of the right to bear arms made it impossible for these classes to follow the traditional way of life. For Kabardian nobles, who neglected all other areas of activity except the military, the only way to self-realization was to enter the Russian military service. Service in the Russian army and the police provided this small group of the Circassian aristocracy with some privileges in the field of carrying weapons, as well as career opportunities in the military and administrative spheres. But the service from their point of view and the requirements of the Russian military regulations did not coincide and often led to conflicts.

Keywords: Kabardians, Caucasian Equestrian Highland Division, Caucasian War, military culture, military customs, the right to bear arms, mental features.

Mirzoyev Aslanbek S., Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Medieval and New History of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 18, Pushkin St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360051, Russia, marzeibach@mail.ru.

Abaeva Asiyat M., Junior Researcher, Postgraduate Student, Institute of Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 18, Pushkin St., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360051, Russia, asiateg@mail.ru.

История народа часто находит свое отражение в истории отдельных его представителей или представляющих его социальных групп. Зачастую она не менее интересна, чем глобальная история и отражает через судьбы конкретных личностей переломные моменты в развитии народа, нации, государства. Таким сложным, драматическим периодом в жизни кавказских народов был XIX в., годы Кавказской войны и установления на Кавказе российской юрисдикции. По мере завоевания новых территорий, царская администрация приступала к установлению здесь имперских порядков, зачастую входивших в антагонизм с традиционным общественным устройством и психологией местных народов.

Столетиями народы Северного Кавказа жили в состоянии перманентной войны, вынужденные противостоять многочисленным завоевателям, отстаивая свою независимость. Такие условия жизни сделали необходимыми появление механизмов, институтов, способствовавших самосохранению, жизнестойкости общества. Одним из таких механизмов был чрезвычайно военизированный быт феодальной Черкесии. Правом ношения оружия пользовались все сословия общества, кроме домашних рабов. В традиционном черкесском обществе этого права не были лишены даже крепостные крестьяне. Ношение оружия предполагало не только право, но и обязанность его применения для защиты жизни и достоинства. Оружие ассоциировалось с честью, потеря которой была равнозначна смерти. Попытка разоружения человека рассматривалась как покушение на его личное достоинство.

Со времени утраты Кабардой фактической независимости и окончательного установления с 1822 г. российской военно-административной системы началось планомерное разрушение существовавших здесь традиционных институтов поддержания военной мобильности (наездничество, абречество, аталычество, право ношения оружия, кровная месть, сбор дворянского ополчения).

В это время в Кабарде принимает массовый характер абреческое движение – вооруженная (партизанская) борьба против колониальных властей. Местными военными начальниками абреки были объявлены вне закона и подлежали уничтожению. Если их все же удавалось захватить живыми, то их подвергали телесному наказанию шпицрутенами с последующей ссылкой в Сибирь на каторжные работы. Обычно после такой экзекуции никто не выживал, да и сами горцы, считавшие физические наказания бесчестием, часто предпочитали спровоцировать свое убийство конвоирами или же предпринимали попытки самоубийства [Кажаров, 1994, с. 345]. Комитет по разбору личных и поземельных прав Кабардинского округа отмечал, что «телесное наказание с применением к преступникам в глазах кабардинцев и вообще горцев слишком позорно и бесчестно, доказательством чего служат неоднократно повторяемые случаи самоубийства и сумасшествия наказанных» [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 52, 52об.]. Комитет далее указывал на причину столь трагических последствий телесного наказания: согласно обычному праву кабардинцев «наказанный и не отомстивший за себя или не лишившийся жизни навсегда считается отчужденным от общества и опозоренным» [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 52, 52об.]. Традиционному черкесскому обществу не были известны такие атрибуты государства, как тюрьмы, физические

наказания. Побои считались тяжким оскорблением личного достоинства человека, требовавшим немедленного отмщения. В то же время в царской России телесные наказания были часто применяющимся видом ответственности для всех сословий без исключения за совершение того или иного преступления. Только в 1785 г., после дарования Екатериной II «Жалованной грамоты», русское дворянство было освобождено от телесных наказаний. В армии же, для солдат, они применялись до 1916 г.

В новых условиях многочисленное черкесское дворянство оказалось пред выбором: или путь вооруженной борьбы против установления колониального контроля или интеграция в новую социально-политическую систему. Значительная часть непокорных кабардинцев ушла за Кубань, обосновавшись на неподконтрольной российской администрации территории, меньшая бежала в Чечню в Имамат Шамиля. Для оставшихся в Кабарде дворян, пренебрегавших всеми остальными сферами деятельности, кроме военной, единственным способом самореализации оставалось поступление на российскую военную службу. Но служба в понимании представителей черкесских дворян и требования российских военных уставов не совпадали и зачастую приводили к неприятным коллизиям и эксцессам.

В 2008 г. в Нальчике в газете «Горянка» была опубликована статья журналиста и историка И.Х. Гукемуха «Черкесы в Пруссии и Бромбергский процесс 1851-го года» [Гукемух, 2008, с. 13]. Она была написана по материалам немецкой прессы XIX в., перевод которых на русский язык осуществил сотрудник Кабардино-Балкарского государственного университета К.А. Мальбахов.

Впервые материалы этого громкого судебного процесса, привлекшего внимание не только немецкой, но и европейской прессы¹, были опубликованы Л. Левитом в 1851 г. отдельной брошюрой в Бромберге (Пруссия) [Levit, 1851].

В 2011 г. материалы Бромбергского процесса в русском переводе были опубликованы в историческом приложении газеты «Адыгэ макъ» в Майкопе [Процесс против черкесов..., 2011]. Оригинал немецкого текста был любезно предоставлен нам Батираем Езбеком (Едыджем), за что выражаем ему искреннюю признательность. При написании данной статьи мы использовали перевод с немецкого, осуществленный А.М. Абаевой.

ДЕСЯТЬ ВСАДНИКОВ

Суть судебного разбирательства состояла в следующем. В конце сентября 1850 г. десять всадников-черкесов, вооруженных холодным и огнестрельным оружием, пересекли польско-прусскую границу и подъехали к небольшому населенному пункту

---

¹ В частности, этому событию посвятил свой репортаж в пору своей журналистской деятельности известный английский писатель Чарльз Диккенс в октябрьском номере за 1850 г. журнала «The Household of Current events».

Крушвица. Их звали Бекмурза Нафонов, Нади Мальбахов, Шолох Гобзаков, Герандуко Хапов, Омар Куафов, Магомед Пасманов, Айса Мидов, Хаку Хуартов, Муса и Жамбот Эркеновы¹. Это были кабардинские черкесы, выехавшие накануне из расположения Кавказского конно-горского дивизиона², временно дислоцировавшегося в небольшом городке Скерневице. Дивизион в числе других частей русской армии несколько месяцев назад подавлял венгерскую революцию (1848–1849 гг.) и был выведен с территории Австро-Венгрии в российскую часть Польши – Царство Польское.

История этого иррегулярного подразделения российской армии была такова. В 1835 г., по инициативе наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича из представителей народов Северного Кавказа был сформирован Кавказский Конно-Горский полк, позднее преобразованный в дивизион. Набор всадников был сугубо добровольный, всадники поступали на службу на четыре года и получали жалованье. Всадники выходили на службу со своим оружием и амуницией.

Целью формирования иррегулярных подразделений в составе российской армии помимо чисто военных, учитывая высокие воинские качества уроженцев Северного Кавказа, было также приобщение их к ценностям европейской цивилизации, интеграция этих народов в российское культурно-правовое пространство. Горцы, проходившие в них службу, получали привилегии в продвижении в военно-административной карьере и служили проводниками российского влияния по возвращении на Кавказ.

6 февраля 1847 г. начальник Центра Кавказской линии полковник Хлюпин в своем уведомлении писал: «Из горцев вверенного мне управления изъявили желание служить в Кавказском Конно-Горском дивизионе четыре человека, которым именной список Вашему Превосходительству имею честь представить». В этом списке приводится фамилия одного из фигурантов Бромбергского процесса – Бекмурзы Нафопова «24 лет от роду из Кабардинских узденей» [Бейтуганов, 2000. с. 17].

Значительную часть населения Черкесии, в особенности Кабарды, составляло сословие профессиональных воинов – уорков³, основным занятием которых было военное ремесло и служба своим сюзеренам – князьям. Наличие большого количества профессиональных воинов, эффективная система военной подготовки, в основе которой лежали традиционные общественные институты, приводили к широкому их оттоку за пределы Кавказа. Черкесы были востребованы на военной службе многих государств: Золотой Орды, Крымского ханства, Персии, России, Польши, Египта, Турции. В феодальную эпоху действовал институт выезда

---

¹ Из перечисленных кабардинских фамилий уверенно идентифицируются следующие: Нафонов, Хапов, Мидов, Мальбахов, Эркенов.

² Кавказский конный Горский дивизион (бывший Кавказский конный Горский полк). Дивизион размещался в столице Польши – Варшаве, поэтому часто назывался Варшавским конно-горским дивизионом. Командиром дивизиона во время описываемых в статье событий был подполковник Муса Кундухов – представитель родовой знати (тагаурских алдар) одного из осетинских обществ.

³ Уорки – так именовали сословие дворян в феодальной Кабарде, в русской административной терминологии – уздени.

на службу, который предусматривал взаимные права и обязанности сюзеренов и поступающих к ним на службу вассалов. Черкесские дворяне, в рамках своей феодальной психологии, считали, что они служат не государствам в лице России, Турции, Крыма, а лично непосредственно их правителям в качестве вассалов. Такая служба в их понятии предусматривала взаимные права и обязанности сторон. Например, от поступающих на службу требовалась верность, храбрость во время войны, а от сюзерена оплата их ратных трудов, уважение к их чести и достоинству. Согласно нормам феодального права, нарушение этих условий давало вассалу право свободного отъезда и смены сюзерена. В течение многих столетий правители соседних государств охотно приглашали черкесов в свои армии и даже доверяли им свою жизнь и безопасность, беря на службу телохранителями и гвардейцами. Помимо своей храбрости, они отличались своей верностью.

Зная эти качества, в разгар Кавказской войны в 1828 г., император Николай Павлович приказал сформировать из числа «немирных» кавказских горцев полуюэскадрон, предназначенный для конвойной службы при Высочайшем Дворе в Собственном Его Императорского Величества Конвое¹. При формировании этого элитного подразделения российской армии предпочтение отдавалось кандидатам из аристократических сословий. Прекрасно разбираясь в менталитете черкесских аристократов, им не опасались доверить охрану жизни императора. Ведь для них принципы дворянской чести, предполагавшие верность сюзерену, стояли выше всех остальных ценностей. Учитывая менталитет служивших в полуюэскадроне представителей кавказских элит, император оказывал им свое полное доверие и уважение. Российское командование старалось учитывать национальные и конфессиональные особенности мировоззрения горцев, т.к. порядки, царившие в российской армии, зачастую вступали в конфликт с понятиями горцев о чести и собственном достоинстве, с их национальными обычаями. Такое отношение должно было смягчить антироссийские настроения горцев, а обстановка службы в российской столице – приобщить к ценностям европейской цивилизации. Но такие особые условия службы существовали, пожалуй, только в этом уникальном воинском подразделении. В других частях (в том числе в Варшавском дивизионе) существовали обычные порядки, характерные для российской армии того времени.

Как отмечает автор статьи «Черкесы в Пруссии и Бромбергский процесс 1851-го года»: «в период боевых действий, находясь в привычном с детства походном быту и пользуясь известной свободой действий, горцы не доставляли хлопот командованию. Напротив, вызывали восхищение отчаянной удалью и ловкостью в бою. Проблемы возникали после походов и битв, когда кавказцев, для которых высшим законом были их родные адаты, пытались втиснуть в рамки казарменного артикула. Палочная дисциплина, рукоприкладство и шагистика, царящие в русской армии времен Николая I, еще меньше способствовали взаимопониманию между горцами и их командирами из числа царских офицеров» [Гукемух, 2008, с. 13].

---

¹ Собственный Его Императорского Величества Конвой – российское военное гвардейское подразделение, осуществлявшее охрану царской особы и его семьи.

Причина самовольного ухода черкесов из расположения части, по объяснению одного из них — Бекмурзы Нафонова, состояла в оскорблении и побоях, нанесенных их земляку командиром. Черкесы, как могли, объяснили немецкому жандарму, что они родом из Кабарды на Кавказе и что слышали о том, будто в Пруссии «хорошие люди и хороший король», и поэтому им хотелось бы поступить к нему на службу [Levit, 1851, s. 22]. Жандарму ничего не оставалось, как препроводить гостей в городок Иновроцлав, где находилась местная военная и гражданская администрация.

ПОПЫТКА РАЗОРУЖЕНИЯ

К полудню 1 октября 1850 г. десять черкесских всадников в сопровождении одного жандарма прибыли из Крушвица в Иновроцлав, где их встретил представитель прусской администрации ландрат¹ Фернов и капитан фон Илов. Непосредственно перед этим он получил от командующего Кавказского конно-горского дивизиона письмо, в котором он ходатайствовал об аресте и выдаче дезертиров.

Согласно так называемой картельной конвенции от 20 мая 1844 г. между Российской империей и Королевством Пруссия, обе стороны обязывались выдавать друг другу преступников. Ландрат осведомил черкесов, что их должны выдать и, они должны последовать за ним в казармы Иновроцлава, при этом пообещав, что к ним, как к военным, будут относиться подобающе [Levit, 1851, s. 6]. Из-за незнания языка черкесы не могли понять требования прусского чиновника. Из них только Бекмурза Нафонов немного понимал по-польски. Остановившись перед казармой, ландрат подошел к черкесам и через переводчика потребовал у черкесов сдать оружие. Несмотря на плохое знание польского, Нафонов все же понял слово «броня» (оружие) и сообщил, что черкесы оружие не сдают и потребовал, чтобы их перенаправили в Берлин. После этого он, как мог, еще раз объяснил пруссакам, что прибыли в их страну с целью послужить королю Пруссии [Levit, 1851, s. 7]. Как сообщается в материалах судебного дела: «после этого по сигналу капитана фон Илова из двора казармы на дорогу выскочил отряд драгунов примерно из 25 человек с обнаженными саблями... Они встали напротив черкесов. Черкесы все сразу схватились за свои винтовки, висевшие у них за спиной, поставили их прикладом на колено и тут кто-то из черкесов крикнул переводчику Марозинскому по-русски: «Пусть они уйдут!», а Илов снова предложил черкесам сдаться. В это время из двора казармы появилось еще около 12 драгунов с карабинами, которые выстроились вдоль стены казармы со стороны черкесов, но они, с тем, чтобы драгуны не напали сзади, все время двигались вперед кривой линией. Фон Илов крикнул им остановиться, что им было переведено неоднократно. Они больше не стояли, а направили головы лошадей в сторону Бромбергского шоссе. Тут 12 драгунов по команде ротмистра начали огонь, чтобы не дать им уйти, но не смогли никого остановить, хотя у драгунов была инструкция ни в коем случае не упустить черкесов. Один из

---

¹ Ландрат — королевский чиновник в Пруссии, осуществлявший государственные функции на территории района, назначался королем по предложению крейстага.

черкесов, который еще не до конца повернул, производил на месте ответные выстрелы» [Levit, 1851, s. 8].

Черкесы ответили выстрелами и, обнажив шашки и кинжалы, стали отступать в сторону дороги, которая вела к хутору Кружлевице. Драгуны бросились за ними, произошла короткая рукопашная схватка, в результате которой унтер-офицер Люк был заколот кинжалом, а унтер Линдер и драгун Самуэльсон получили рубленые раны головы и рук. Перестрелка, переходящая в рукопашные схватки, продолжалась на всем пути отступления черкесов к Кружлевице, а это 1/8 мили. В ходе этих стычек Айс Мидов, Хаку Хуартов были убиты, а Шолох Годзоков, Герандуко Хапов и Муса Эркенов были ранены и взяты в плен. Остальные, Жамбот Эркенов, Бекмурза Нафонов, Нади Мальбахов, Омар Куафов и Мохамед Пасманов, обнаружив на окраине хутора дом для сельскохозяйственных рабочих, засели в нем. Их пытались уговорить сдаться, в ответ из дома продолжали звучать выстрелы. Выстрелом из этого дома был ранен драгун Карл Матиас. По приказу военных здания хутора были преданы огню для осуществления захвата черкесов и сгорели все, кроме одного, куда черкесы удалились. Прошла ночь. На следующее утро к месту происшествия прибыл отряд пехотинцев под командованием капитана Хиллера. Солдаты атаковали укрепление черкесов и смогли поджечь его. В ходе атаки погиб мушкетер Румински, а мушкетер Ротер был ранен. После взятия дома приступом в нем были найдены два убитых черкеса (Жамбот Эркенов, Мохамед Пасманов) и два (Нади Мальбахов и Омар Куафов) раненых [Гукемух, 2008, с. 13].

Что касается Жамбота Эркенова, то из архивных источников о нем известно, что он по сословному происхождению относился к узденям второй степени. Согласно данным «Ведомости исчисления кабардинского народа», составленной 30 января 1825 г. он родился в 1817 г. «в ауле узденя Хаджисолмана Урумова, на речке Аргудане поселенный, принадлежащего князю Магомеду Адильгирееву» [Материалы Я.М. Шарданова..., 1986, с. 53]. В более поздних документах за 1846 г., Жамбот Эркенов упоминается как житель аула князя Тлостаналиева, находящийся на службе в Кабардинской милиции [УЦГА АС КБР, ф. 16, оп. 1 (доп.), д. 440, т. 2, л. 162–165об.].

Из милиции, как свидетельствуют архивные источники, Жамбот Эркенов подался в абреки [УЦГА АС КБР, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 140]. Эркенов совершил побег в Чечню, но, по сведениям за 1848 г., он возвратился и был прощен [УЦГА АС КБР, ф. 16, оп. 1, д. 549, л. 54об.]. До своей реабилитации, Жамбот Эркенов был арестован и содержался на Нальчикской гауптвахте [Бейтуганов, 2000, с. 20]. За него ходатайствует его родной брат Магомет Эркенов, находившийся в числе добровольцев, изъявивших желание служить в Варшавском дивизионе. 19 января 1848 г. он пишет письмо начальнику центра Кавказской линией полковнику Беклемишеву с просьбой освободить его брата и назначить его в число всадников, назначенных к отправлению на службу в Варшаву [Бейтуганов, 2000, с. 29]. Полковник Беклемишев 25 января 1848 г. сообщал начальнику Кабардинской линии: «...во внимание того, что уздень Джамбот Еркенов во время производства сего дела содержался долгое время на гаубтвахте и изъявил желание поступить на службу всадником в город Варшаву, я предлагаю его, Еркенова, освободить из-под ареста» [УЦГА АС КБР, ф. 16, оп. 1, д. 802, л. 6об.].

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДВОКАТ ВОЛЬФ – ЗАЩИТНИК КАВКАЗЦЕВ

Оставшиеся в живых черкесы Бекмурза Нафонов, Нади Мальбахов, Шолох Гобзаков, Герандука Хапов, Муса Эркенов, Омар Куафов предстали перед судом присяжных города Бромберга 20 января 1851 г. В материалах дела указывалось, что «все подсудимые исповедовали магометанскую религию и были родом из Кабарды, находящейся на Кавказе. Нафанову было 26, Хапуву – 30, Мельбахову – 31, а оставшимся троем было по 19 лет» [Levit, 1851, s. 5].

Так как обвиняемые, кроме Бекмурзы Нафопова, говорили только по-черкесски и не знали немецкий, то суд посчитал необходимым привлечь двух квалифицированных переводчиков для подсудимых. Такие переводчики были найдены, кроме того был привлечен в качестве переводчика и специалиста по Кавказу граф Симониц, некоторое время живший в России. На стороне защиты выступал адвокат Вольф. Допрос подсудимых проводился через переводчиков. Им озвучивались вопросы на немецком или польском языке, затем они переводили эти вопросы подсудимым на черкесский или на русский язык. Ввиду того, что процесс вызвал ажиотаж и собрал много народа, во избежание беспорядка здание суда было оцеплено военными. Зал суда был переполнен, а в первых рядах помещения для посетителей сидели элегантно одетые дамы [Levit, 1851, s. 5].

Наибольший интерес вызывает речь адвоката черкесов Вольфа. При знакомстве с этим ярким и эмоциональным выступлением нужно учитывать время, в которое произошли описываемые события. Венгерская революция, ставившая своей целью независимость страны, была потоплена в крови австрийскими и русскими войсками. На Кавказе шла колониальная война против горцев. Эти два события вызывали в сердцах демократической части европейского общества глубокую антипатию по отношению к крепостнику и реакционеру Николаю I, взявшему на себя роль жандарма Европы. Под давлением демократических сил король Пруссии вынужден был пойти на уступки и даровать своим подданным первую конституцию [Гукемух, 2008, с. 13]. Адвокат хорошо подготовился к защите подсудимых, используя не только законы Пруссии, но и господствовавшие в это время в немецком обществе демократические настроения, а также знание особенностей истории, менталитета, обычаев черкесов.

«Кто же здесь те, – говорит в своей речи Вольф, – кого цивилизация хочет заклеить как преступников? Сыновья Азии, которые вместе с чеченцами, лезгинами, убыхами и многими другими образуют тот чудесный конгломерат наций кавказской твердыни, который своим героическим противостоянием натиску могущественного завоевателя удивил всю Европу, тот сильный род, который единственный, кто и сегодня защищается от двуглавого орла. Вы знаете, господа, что черкесы являются кавказским народом, населяющим земли от Кубани и до реки Бук недалеко от Гагры. Этот народ состоит из князей, дворян, свободных и крепостных, и все они исповедуют ислам. Гостеприимные, свободолюбивые, они мужественны до безрассудства; они единственный народ от Атлантического до Индийского океана, готовый отвести угрозу, исходящую от царя. Я не могу выразить словами восхищение

и внутреннюю симпатию, которую вызывает во мне этот народ. И из этого народа, мои господа, происходят те шестеро человек, которых Вы видите на скамье подсудимых. Они относятся к классу узденей, как и такие отважные знаменитые герои, как Маазур¹, Шамуц², Джимбулат³ и прежде всего Гуз-Бек⁴, лев Кавказа, о которых поют и слагают легенды черкесские барды» [Levit, 1851, s. 21].

Адвокат Вольф начинает с причин и мотивов, по которым черкесские всадники покинули расположение своей воинской части. Черкесы не считали себя дезертирами, так как когда в 1849 г. началась война в Венгрии, их пригласили принять участие в этой войне. Они как свободные дворяне, со своими лошадьми и оружием, приняли это приглашение. На Кавказе нет воинской повинности, они – не солдаты и не крепостные, которых против их воли забирают на службу. Адвокат Вольф разъяснил со слов черкесов, что «они добровольно вступили в ряды русской армии. Но они предоставили свои услуги и свое оружие царю лишь на период войны. Свободным пактом, свободным договором, не долгом конскрипции был данный союз, удерживающий их в русской армии. Но этот договор не был соблюден, он был нарушен. Война в Венгрии подошла к концу, но черкесов не отпустили, их удерживали в полку. Мало этого! Один из них был избит капитаном полка. Только подумайте, что это означает! Дикий сын Черкесии, который смывает любое оскорбление лишь кровью противника, избит. Но его сдерживали железные оковы дисциплины. Он жалуется своему военачальнику. Но мир большой, а царь далеко. Может бежать! Однако путь в тысячи миль от их гарнизона до гор Кавказа проходит через Российскую империю. Тут они слышат о Пруссии; там, говорят они по-детски наивно, “хорошие люди и хороший король”. Ему они решили посвятить свою службу и свою жизнь. Они бегут в эту страну. Они являются в полицию Крушвица. В сопровождении одного единственного жандарма они добираются до Иноврацлава. Они подают запрос на паспорта до Берлина, но получают отказ, их хотят сопроводить в казарму и требуют сдать оружие; и все это на языке, который они не понимают» [Levit, 1851, s. 39]. Далее адвокат говорит, что не черкесы, а немецкие чиновники и военные, прежде всего, являются виновниками происшедшего кровопролития: «На жертвах варварского преступления хотят поставить клеймо преступников. Несчастные кавказцы надеялись “познакомиться в Пруссии с хорошими людьми”. Приверженцы ислама, они искали защиту и поддержку у последователей Христа. Но встретили лишь ненависть и борьбу. Они доверчиво открыли душу, чтобы как гости присесть к очагу христиан; но вместо гостеприимного освежающего напитка им подали смертельный свинец, вместо мирного блюда им протянули карабины, а заповедь христианской любви, которой, как они верили, проникнуты хорошие

---

¹ Шупако Хаудоко Мансур – натухайский дворянин, один из политических и военных лидеров черкесов 1830–1840 гг.

² Шупако Шамуц – один из политических и военных лидеров черкесов-натухайцев периода Кавказской войны.

³ Джембулат Болотоко – темиргоевский князь, знаменитый наездник и предводитель черкесов с 1821 по 1831 год во время Кавказской войны.

⁴ Тугужоко Кизбеч Шеретлуко – шапсугский дворянин, один из военных предводителей черкесов в 1810–1839 гг., прозванный в европейских газетах «Львом Кавказа».

люди в Пруссии, эту любовь облачили в пули и патроны, чтобы поразить ими сердце простодушных, доверчивых гостей. Какое чувство стыда и унижения должно нас сейчас угнетать, потому что история хранит тот великий бессмертный акт милосердия по отношению к нам, которое год назад проявил сторонник ислама к сторонникам христианства¹. Так поступил приверженец ислама по отношению к христианам. А как поступили здесь христиане по отношению к исламитами? Но более этого! Вы знаете, что против этих десяти несчастных выставили эскадрон кавалерии и роты пехоты, что их преследовали с мечами и пулями, что их затравливали как дичь, что здания, где они укрывались, были подожжены, с тем, чтобы выкурить их как шершней. А когда они ввиду таких обстоятельств, убитые горем и отчаянием, схватили винтовки, шашки и кинжалы, защищая свою жизнь, когда в суматохе битвы некоторые из них пали, а другие были ранены, их хотят привлечь к ответственности за эти поступки» [Levit, 1851, s. 23]. Адвокат настаивал, что со стороны черкесов это была самооборона.

Присутствовавший на процессе приглашенный специалист по Кавказу переводчик граф фон Симониц разъяснил суду некоторые пункты поведения черкесов, сказав, что «у магометан есть обычай не сдавать своего оружия врагу, а у горских народов, к которым принадлежат обвиняемые, это строгий закон, никогда не складывать своего оружия. В администрации у черкесов потребовали сдать оружие, но для черкесов сдача оружия считается самым большим унижением. Жить и умирать с оружием в руках — у черкесов не просто обычай, нет, это религиозная догма. Вы требуете у них их оружие, а они, должно быть, считают, что вы пытаетесь отнять у них их жизнь и их честь. Черкес и его оружие — одно целое, это его душа, его мысли, его все. Захотеть лишиться его этого, означает убить его. Их самооборона вплоть до последней капли крови это воля его Аллаха и ее он ставит превыше всех людских уставов» [Levit, 1851, s. 23]. Таким образом, Симониц утверждал, что обычай ношения оружия у черкесов носит религиозный характер. А дальше следует поразительный вывод адвоката Вольфа: «Что бы то ни было, требования начальника окружного управления сдать оружие были вмешательством в свободу совести, но такого конституция не потерпит также мало против своих сограждан, как и против иностранцев, приказ (об открытии огня) поэтому был неправомерен» [Levit, 1851, s. 28].

В конце слушания по требованию защиты были зачитаны еще два документа: один из них представлял собой письмо флигель-адъютанта Его величества короля Прусского, графа фон Мюнстера, который находился при российском царском дворе в Петербурге, к прусскому министру военных дел фон Штокгаузену, которое заканчивается следующими словами: «Весь этот трагический случай частично вызван их нравами и обычаями, согласно которым они не должны разлучаться со своим оружием, пока они живы, и сдачу оружия они считают самым большим позором» [Levit, 1851, s. 16].

---

¹ Здесь Вольф имеет в виду турецкого султана Абдул-Меджида, который после поражения венгерской революции, принял 5 тысяч венгров во главе с одним из лидеров восставших Лайошем Кошутом. Австрийское и русское правительство требовали его выдачи, но султан ответил, что религиозный долг запрещает выдавать гостя.

Второй документ – письмо Штефазиуса, главы окружного суда Иноврацлава, где находились черкесы в течение следствия, к защитнику обвиняемых адвокату Вольфу. Он имел следующее содержание: «Ваша честь будет, как мне стало известно, защищать несчастных кавказцев перед судом присяжных. Хотя я глубоко убежден в том, что следствие не нуждается в моих рекомендациях по делу этих клиентов, но я руководствуюсь все же их пожеланием и данным мною обещанием. Причиной побега из Польши они назвали то, что их капитан относился к ним несправедливо и применял по отношению к ним силу, а их жалобы оставались не рассмотренными. Как свободные черкесы и владельцы своего оружия и коней, они посчитали такое решение оправданным. С чувством полного права они пересекли прусскую границу – их намерение было попроситься на службу к королю. Но требование о том, что они должны быть разоружены и высланы, они не могли понять из-за незнания местного языка и наших законов. На размышления им не дали времени. Когда по ним открыли огонь, они механически открыли огонь в ответ, затем обратились в бегство и спасались, как могли. Согласно их заверениям, это была лишь самооборона; но они действовали очень осмотрительно и никого не убивали намеренно, в то время как им было совсем не сложно застрелить, укрываясь в здании, еще большее количество нападавших. Я могу чистосердечно и с полной ответственностью сообщить, что они в течение 15 недель ареста вели себя примерно, терпеливо и смиренно переносили трудности, а своей тактичностью, порядочностью и скромностью, а также душевностью завоевали уважение всех, кто с ними общался» [Levit, 1851, s. 19].

В ходе разбирательства выяснилось, что все погибшие драгуны были убиты теми из черкесов, кто погиб в перестрелках. То есть на скамье подсудимых не было ни одного убийцы. Сами драгуны и мушкетеры подтвердили это. Был освещен и тот факт, что горцы сами попросили отвести их в Иновроцлав и что весь этот путь они проделали в сопровождении лишь одного жандарма, высказав тем самым свои мирные намерения. Конфликт возник лишь при попытке разоружить черкесов.

По мнению адвоката Вольфа, его подзащитные в виду незнания местных законов и языка, не могут подчиняться прусскому уголовному праву и их следует признать невиновными. В тоже время он не хотел бы их полного оправдания, так как в этом случае согласно картельной конвенции, их должны были выдать России [Levit, 1851, s. 36].

В итоге суд признал черкесов виновными в оказании сопротивления вооруженной силе в лице представителей власти во время исполнения приказа и предложил назначить каждому обвиняемому наказание в виде двух лет заточения в крепости, но оправдать по другим пунктам обвинения. При вынесении приговора суд принял во внимание достойное поведение арестованных во время следствия и суда. «Этот приговор удовлетворил все стороны. Обвиняемые выразили высочайшую радость, когда содержание приговора было для них переведено и им было разъяснено, что наказание не запятнает их чести. Они не боялись ничего более чем оправдания, так как в этом случае их отправили бы в Россию, а это стало бы для них, как они не раз повторяли, страшнее смерти» [Levit, 1851, s. 37].

Местом отбывания срока наказания обвиняемым был определен город Данциг. Об этом нам становится известно из переписки между российским министерством иностранных дел и прусским послом в Петербурге. К письму королевского прусского посланника генерала Рохова в Министерство иностранных дел от 11 декабря 1851 г. было приложено «свидетельство о смерти беглаго черкеса, уроженца Большой Кабарды, Нади Мальбахова, который был задержан в Пруссии и умер в Данцигском госпитале». В выписке из лазаретной книги сообщается: «Арестант (черкес) Нади Мельбахов родом из Большой Кабарды на Кавказе, 30 лет, привезен 11 июня 1851 года в Данцигский гарнизонный лазарет и умер там 27 июня 1851 года в 8 часов вечера, вследствие гастронервической горячки» [УЦГА АС КБР, ф. № Р-1209, оп. 1, д. 36, л. 4].

В завершение газетной статьи «Черкесы в Пруссии и Бромбергский процесс 1851-го года», ее автор пишет: «Сотни и тысячи наших соотечественников в разное время и при различных обстоятельствах уходили в неизвестность – погибали на полях сражений, эмигрировали и растворялись в чуждом им культурном пространстве. Ничего неизвестно и о дальнейшей судьбе героев нашего повествования, осужденных зимой 1851 года» [Гукемух, 2008, с. 13].

Действительно, нам была неизвестна дальнейшая судьба остальных участников Бромбергского процесса, пока в 2018 г. в Нальчике не была переведена на русский язык и издана книга немецкого автора Карла Штюккера «Нравы и обычаи в Турции и Черкесии». Из этой книги нам становятся известны дальнейшие перипетии судьбы одного из участников описанной истории.

МУСА-БЕЙ ИЛИ МЮТЦЕНБЕККЕР?

Автор книги [Stucker, 1862] – уроженец Пруссии, уже в раннем возрасте посвятил себя военной карьере. Когда началась Крымская компания, в чине лейтенанта он оказался в рядах англо-немецкого легиона. Прослужив относительно недолго и получив выгодное предложение, он увольняется из армии, и в качестве офицера-инструктора поступает на службу к турецкому султану под именем Мирлам-бея. Находясь в Стамбуле, он познакомился с представителями черкесской диаспоры и убедил их в необходимости создания регулярной пехоты по европейскому образцу у них на родине. В короткие сроки им был подготовлен для представителя Наипаши, т.е. Магомет-Амина¹, специальный проект и, после того, как он был одобрен, Штюккер получил предложение организовать регулярную армию в Черкесии. В конце мая 1857 г., в сопровождении черкесских дворян – сторонников Магомет-Амина, немецкий офицер высаживается в районе Туапсе [Штюккер, 2016, с. 7]. Он оказался на Северо-Западном Кавказе тогда, когда национально-освободительное движение черкесов переживало подъем и принимало более организованный характер. К. Штюккер стал реализатором новшеств в организации военного дела у черкесов,

---

¹ Магомет-Амин – третий наиб Шамиля, посланный в Черкесию с целью координации действий горцев Западного и Восточного Кавказа в антиколониальной войне.

а также в рациональном использовании военных укреплений на Черноморском побережье Кавказа, оставленных русскими войсками, после поражения в Крымской войне [Штюккер, 2016, с. 4]. Прибыв в Черкесию, получив от черкесов новое звание «Инглис-паши», К. Штюккер, при поддержке Магомет-Амина, приступил к организации регулярной пехоты по европейскому образцу.

Во время нахождения на Западном Кавказе у него произошла интересная встреча и знакомство. Вот как он ее описывает: «...ко мне подошел незнакомый статный черкес и дружелюбно по-немецки поприветствовал меня: "Guten Morgen, mein Freund, wie geht es?" (Доброе утро, мой друг, как дела?). Эта встреча... меня поразила; каким образом этот черкес так хорошо овладел немецким языком? Заметив растерянность на моем лице, после моего молчания он представился как Мютценбеккер. Здесь я хотел заметить, что его настоящее имя – Муса-бей... Между тем, подошел князь¹ и сообщил мне, что Мютценбеккер приехал из Пруссии и поспешил сюда для защиты своей родины. Вначале я не знал, могу ли я верить этим словам, но, по решительным и серьезным намерениям, которые Мютценбеккер высказывал во время моего разговора с Наибом (все на свободном немецком), сомнения отпали» [Штюккер, 2016, с. 98].

Содержание беседы состоявшейся у К. Штюккера с Мютценбеккером, не оставляет сомнений, что это был один из участников Бромбергского процесса – Муса Эркенов. Рассказ Мусы-бея в изложении К. Штюккера совпадает полностью с тем, что нам стало известно по материалам Бромбергского процесса, за исключением отдельных деталей.

Из этого рассказа нам становится известно, что черкесы после суда были отправлены в город Данциг. Через некоторое время они получили право свободно выходить в город и стали для местных жителей экзотической достопримечательностью. «Все здесь было как в Черкесии, – рассказывал Муса-бей Штюккеру, – ни в одной гостинице или трактире я не должен был ничего платить. Я также получал много приглашений и много заманчивых подарков от дам. Нам даже делали тайные предложения, отвезти нас на торговом судне в Стамбул, но мы отказывались от такой любезности каждый раз, потому как хотели остаться верными королю Пруссии и отбыть... наказание...» [Штюккер, 2016, с. 100]. После получения свободы Муса-бей отправился в Берлин и имел аудиенцию с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV, на встрече с которым он попросил вернуть ему и его товарищам их личное оружие. В этой просьбе ему было отказано, но сделано предложение: поступить на службу в королевские конюшни. Он принял это предложение и, заработав немного денег, уехал из Берлина в Англию, а оттуда в Константинополь. Во время Крымской компании Муса-бей поступил на турецкую службу майором, а после ее окончания, узнав, что у Магомет-Амина служит прусский офицер, решил вернуться в Черкесию [Штюккер, 2016, с. 101]. Штюккер рекомендовал Магомет-Амину назначить его командующим четырех военных укреплений на побережье Черного моря.

---

¹ К. Штюккер называет Магомет-Амина князем или Наибом.

Магомет-Амин последовал его совету: Муса-бей получил командование гарнизоном в районе четырех крепостей и, кроме того, «был назначен также судьей одного из округов» [Штюккер, 2016, с. 101]. Дальнейшая судьба Мусы Эркенова нам неизвестна. Возможно, со временем можно будет прояснить это с помощью обнаруженных новых архивных данных.

Вызвавшее большое участие обывательской публики и привлекшее внимание европейской прессы происшествие с участием уроженцев Кабарды, представляет интерес и для современных историков. Здесь нашли отражение этнические, ментальные особенности горцев того времени, сформировавшиеся у них в ходе исторического развития. Для их понимания необходимо учитывать самобытность традиционной черкесской культуры, существовавших у них общественных институтов, военных обычаев, традиционных этических ценностей и идеалов. Последние еще долго после включения горцев в орбиту российской административно-правовой системы продолжали влиять на их сознание и поступки и нередко входили в конфликт с новыми жизненными реалиями и государственными порядками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бейтуганов С.Н. Эркеновы: род в истории. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 368 с.

Гукемух И.Х. Черкесы в Пруссии и Бромбергский процесс 1851-го года // *Горянка*. 2008. № 51. С. 13.

Кажаров В.Х. Традиционные институты кабардинцев и их кризис в 18–первой половине 19 века. Нальчик: Издательский центр «Эль-ФА», 1994. 438 с.

Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. // Сост., введ. и примеч. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 320 с.

Процесс против черкесов, перешедших из России на территорию Пруссии, обвиняемых в сопротивлении военным как представителям власти, заслушанный судом присяжных в Бромберге 20 января 1851 года // *Адыгэ макъ. Лики адыгского прошлого*. Майкоп, 2011. Выпуски 22 (с. 3–6) и 23 (с. 3–6). Перевод Л.Н. Фроловой. Редакция перевода и комментарии С.Х. Хотко.

Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 40. Оп. 1. Д. 757. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1 (доп.). Д. 440. Т. 2.

УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 274.

УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 549.

УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 802.

УЦГА АС КБР. Ф. № Р-1209. Оп. 1. Д. 36.

Штюккер К. Нравы и обычаи в Турции и Черкесии // *Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты)*. Часть II. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 168 с.

Levit L. Der Prozess gegen die aus Russland auf Preu ßisches Gebietübergetretenen Tscherkessen. Bromberg, Druck der Fischer'schen Buchdruckerei in Bromberg, 1851. 37 s.

Stucker C. Sitten – und Charakterbilderaus der Türkei und Tscherkessien. Berlin: Verlag von Reinhold Schlingmann, 1862. 288 s.

REFERENCES

- Bejtuganov S.N. *Erkenovy: rod v istorii*. [Erkenovs: a clan in history]. Nalchik: El-Fa Publ., 2000. 368 p. (in Russian).
- Gukemuh I.H. Cherkesy v Prussii i Brombergskij process 1851-go goda. [Circassians in Prussia and the Bromberg Process of 1851], in *Goryanka*. 2008. № 51. P. 13. (in Russian).
- Kazharov V.H. *Tradicionnye instituty kabardincev i ih krizis v 18–pervoj polovine 19 veka*. [Kabardin traditional institutions and their crisis in the 18th–first half of the 19th century]. Nalchik: Publishing Center El-FA, 1994. 438 p. (in Russian).
- Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardincev pervoj pol. XIX v.* [Materials Y.M. Shardanova under the customary law of the Kabardinians first half. XIX century]. Comp., Enter. and note. X.M. Dumanov. Nalchik: Elbrus Publ., 1986. 320 p. (in Russian).
- Process protiv cherkesov, pereshedshih iz Rossii na territoriyu Prussii, obvinyaemyh v soprotivlenii voennym kak predstaviteljam vlasti, zaslushannyj sudom prisyzhnyh v Bromberge 20 yanvarya 1851 goda* [The trial against the Circassians who moved from Russia to the territory of Prussia, accused of resistance to the military as representatives of the authorities, heard by a jury in Bromberg on January 20, 1851], in *Adyghe mak. Faces of the Adyghe past*. Maykop. 2011. Issues 22 (p. 3–6) and 23 (p. 3–6). Translation by L.N. Frolova. Editorial staff and comments S.Kh. Hotko (in Russian).
- Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic (UCGA AS KBR). F. 40. Inv. 1. D. 757.
- UCGA AS KBR. F. 16, Inv. 1 (addit.). D. 440. Vol. 2.
- UCGA AS KBR. F. 23, Inv. 1, D. 274.
- UCGA AS KBR. F. 16, Inv. 1, D. 549.
- UCGA AS KBR. F. 16, Inv. 1, D. 802.
- UCGA AS KBR. F. № R-1209, Inv. 1, D. 36.
- Shtyukker K. *Nravy i obychai v Turcii i Cherkesii* [Customs and customs in Turkey and Circassia], in *Narody Severnogo Kavkaza v evropejskoj kul'ture i obshchestvennom soznanii (istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty)* [The peoples of the North Caucasus in European culture and public consciousness (historiographic and source study aspects)]. Part II. Nalchik: Publishing DKIHR Publ, 2016. 168 p. (in Russian).
- Levit L. *Der Prozess gegen die aus Russland auf Preu ßisches Gebietübergetretenen Tscherkessen*. Bromberg, Druck der Fischer'schen Buchdruckerei in Bromberg, 1851. 37 s.
- Stucker C. *Sitten – und Charakterbilderaus der Türkei und Tscherkessien*. Berlin: Verlag von Reinhold Schlingmann, 1862. 288 s.